

ГЛАВА 1

Волков со своим отрядом вышел следом за кавалерийским разъездом, который поехал сторожить дорогу на востоке. Старались идти тихо, много фонарей не использовали. Так и добрались до того леса, в котором погибла третья рота. Только тут зажгли больше фонарей и вошли в чащу. Не первый раз кавалер чувствовал этот запах — тяжелый, едкий, какой бывает от обилия пролитой крови. Что ни шаг, то мертвец. Все засеяно мертвыми людьми. Каждого мертвого переворачивали, смотрели, вдруг это капитан. Волков и сам не брезговал, заглядывал в серые лица своих мертвых людей. Вот доспехи хорошие, комплектация подходящая, обувь не разглядеть. Кавалер склонился над мертвым солдатом, приподнял его голову.

— Светите, — сказал он Максимилиану, который носил за командиром фонарь.

Разглядеть трудно: лицо разрублено и залито засохшей черной кровью, — но из-за свалившегося шлема видны волосы. Нет, это не храбрец Бертъе. Кавалер отправился дальше. И слышит:

— Господин, господин, тут живой!

Это везение. Мужичье раненых не оставляет. Он поспешил к двум солдатам, что с фонарем склонились над человеком, у которого пробита кираса и изрублены руки.

— Живой? — спросил Волков, присаживаясь рядом и заглядывая в глаза раненого.

— Бог миловал, господин, — тихо отвечал раненый.

Кавалер повернулся к одному из солдат.

— Беги в лагерь к капитану Рене, пусть даст телегу.

Солдат ушел, а кавалер обратился к раненому:

— Ты не видал, что случилось с вашим капитаном?

— Нет, господин, — не без труда, с паузами отвечал раненый, — я в середине колонны шел... а господин капитан в голове ехал... Он всегда в голове колонны был.

— А откуда кавалеры появились?

— Спереди наехали, господин, — просипел раненый. — Шибко наехали... Чуть не треть колонны смяли.

— Да как же так-то? — с заметным удивлением поинтересовался Волков. — Как же вы не увидели сорок рыцарей? Они, поди, в перьях все, со знаменами.

— Я и сам не знаю, господин, — с трудом переводя дыхание, рассказывал раненый, — как из-под земли выросли.

— А дальше что было?

— А дальше? Дальше пехота мужицкая пошла... Уже построенная, они-то нас в лес и загнали.

— Что? И пехоту вы не видели? Ее-то как можно было не заметить, их же сотни три-четыре?

— Говорю же, господин, они... Сам не знаю, я никого не видел, и вдруг идут... Может, глаза нам чем застило... Уж не знаю.

Волков встал, вокруг него собралось не меньше полудюжины солдат. Ему не понравилось, что они слушали разговор; если среди солдат еще и разговоры всякие пойдут — жди беды. Он одернул строго:

— Ну, что встали? Ищите капитана, ищите еще раненых. — И сам стал искать других живых.

Вскоре прибежал стрелок.

— Господин, еще один живой. Сержант.

— Где он?

— Там. — Мушкетер махнул рукой в направлении востока.

— Дождитесь телегу и продолжайте поиски, раненого пока несите к дороге, — приказал он трем солдатам, а сам пошел вслед за мушкетером.

Сержант лежал почти у дороги, у того места, где на колонну обрушились удары противника. Бедолаге порубили ноги, ударили по голове так, что треснул шлем и на лицо хлынула кровь, и решили, что с него довольно. Но крепкий человек выжил.

— Лампу! — велел Волков. — Лампу сюда.

Того небольшого фонаря, что держал Максимилиан, было мало. Принесли лампу, и кавалер заглянул раненому в лицо.

— Ну, жив? Говорить можешь? — Он боялся, что сержант умрет прежде, чем расскажет ему, как было дело.

— Вода есть у вас? — просипел раненый.

— Вода, у кого вода есть? — прошло по рядам солдат.

Ни у кого воды не оказалось. Один из стрелков сбегал к реке и принес оттуда воды в своем шлеме. Волков ждал, встав возле раненого на колено. Того наконец напоили, и кавалер спросил:

— Ты видел рыцарей до того, как они вас ударили?

— Нет... Нет, господин, — отозвался раненый сержант.

— Ты же был в голове колонны, но не видел?

— Нет, не видел, господин. Жарко было, марево стояло, все устали уже. Все быстрее к реке хотели, к броду, чтобы хоть воды попить.

— А капитан ваш где был?

— Так первый ехал на коне.

«Болван Бертье. Неужели в середине колонны не мог ехать?»

— И что?

— Ну, так его рыцари и ударили первым. Они четверть нашей колонны проехали, раскидали людей как снопы. Переломали людей, потоптали.

— А капитана? Убили? — спросил полковник.

— Коня у него убили, но он из-под рыцарей выскочил, из свалки, что была, вылез, только, кажись, руку ему правую сломали, он меч в левой руке потом держал. Но командовал еще...

— Командовал?

— Да, кричал, чтобы по дороге не бежали. Кричал, что кавалеры поедут по дороге следом, так всех потопчут. Кричал, чтобы в лес заходили, — с паузами рассказывал раненый.

— Так, значит, поначалу он жив был?

— Жив, жив... Стал людей в лес заводить, я с ним был, думали, что кавалеры в лес не поедут, а тут как на дорогу глянул... — Раненый замолчал, переводя дыхание.

— Ну!

— Мужичье прямо по дороге прет в штурмовой колонне по шесть, почти бегут, сволочи... Смели нас просто... с дороги в лес и дальше к реке погнали. А там резать стали... Их было втрое против нас, они слаженные, а мы, кто еще остался, к воде отступили кучками, кто по десять, кто по двадцать, разве нам отбиться было? Капитан еще кричал что-то, пытался людей собрать вокруг себя... Думал пойти по берегу, прорваться обратно... А потом мне ноги разрубили, по голове получил. Все...

Раненый, кажется, выдохся, но главного так и не сказал, ни про Бертье, ни...

— Так откуда мужики, откуда кавалеры-то взялись? — пытался дознаться Волков.

— Не знаю, господин, ничего не знаю... — тихо отвечал раненый сержант.

— Несите его к первому раненому, — распорядился полковник и снова прикрикнул на собравшихся вокруг солдат: — Ну, что встали, ищите, ищите еще раненых, капитана ищите.

Долго искали. Раненых еще нашли восьмерых, но храброго капитана и веселого человека Гаэтана Бертье так и не отыскали.

— Видно, он попытался по воде уйти, — предположил Максимилиан.

«Да, в доспехе и со сломанной рукой, конечно, всякий захочет поплескаться в воде».

Волков не стал говорить молодому человеку, что в плохой, нечестной войне, где нет места ни чести, ни совести, утащить тело видного офицера — дело обычное, дело вознаграждаемое. Наверное, ублюдки тащили Бертье по земле, привязав за ноги к лошади, чтобы показать старшим офицерам. Может, награду vykлянчить. А потом повесить труп на том берегу, на виду, тоже ногами кверху и непременно голым. Когда Рыцарь Божий шел драться с хамами у брода, он думал, что и его ждет такая участь. Мелькнула такая мысль, ну а чего еще

ждать от взбесившегося быдла, которое даже Бога отринуло? Неужели уважения к мертвым господам?

Волков смертельно устал, но злоба стала наполнять его, прибавляя сил.

— Всё, уходим! — распорядился он.

Раненых относили к дороге, там уже и телега приехала. Всего живых набралось десять. Десять! От роты в двести с лишним человек! Нет, тут было что-то не так. Глядя на остатки одной из своих рот, которые уместились в одной большой обозной телеге, кавалер раздражался еще больше.

Шел так, чтобы телегу эту не видеть, и свернул к реке, к броду, чтобы хоть Увальня найти. Нет, Александра Гроссшвулле на песке не оказалось, вообще ни одного мертвого на берегу не было. Та рота хамов, что терзала Рене, забрала убитых с собой. Зато на той стороне были арбалетчики и аркебузиры, они стали стрелять по фонарям. Полетели пули и болты. Максимилиан велел тушить фонари, хотел уже приказать стрелкам, чтобы запалили фитили и ответили, но кавалер вдруг почувствовал дурноту, он устал за этот день, так устал, что даже злиться больше не мог. Бертге, Увалень, целая рота его людей, Гренер-старший, ушедший на тот берег со своими кавалеристами. Всех их больше не было.

— Нет, не будем стрелять... Уходим.

Солдаты и рады были, потянулись наверх, от реки к дороге, туда, где вовсю в темноте стучали топоры. И последним шел их командир, уставший человек в дорогом доспехе и с топором в руках.

Ничего не закончилось, ночь была ничем не легче дня. Когда они подходили к лагерю, им навстречу вышел, да нет, выбежал ротмистр Вилли с небольшой лампой в руке.

— Телега с ранеными приехала, я понял, что вы идете. — Было видно, что Вилли взволнован.

— Говорите, — сухо велел полковник.

— Те возницы, которые нанимались со своими телегами, уйти желают, — сразу выпалил молодой ротмистр.

— Что? Куда еще уйти? — не понял Волков.

— Сбрасывают поклажу наземь, хотят уезжать, говорят, что завтра мужики у них все отнимут. А им телеги и лошади, говорят, дороги.

— А Рене где, он что, этого не видит?

— Он их уговаривает не уезжать.

— Что? — Волкова снова стала разбирать злость. Она придавала ему сил. — Уговаривает?

— Да, а еще...

— Ну? — Он поднял топор и положил его на плечо.

— Люди из первой роты, корпорация из Левенгринга, их человек двадцать... Их корпорал говорит, что они тоже уходят, — продолжал Вилли все так же взволнованно. — Они...

— Ротмистр Вилли, — перебил его кавалер.

— Да, господин полковник.

— Люди ваши надежны?

— Мои люди? А, ну... Они же, кроме тех, что недавно набраны, все на вашей земле живут, дома там у них, семьи. Преданы вам, не в одном деле с вами были.

— Где они?

— Вдоль реки частокол ставят, окапывают...

— Бегом за ними, а потом, — распорядился Волков, — отправьте ко мне пятьдесят человек и двух сержантов, и пусть сразу фитили запаливают.

— Будет исполнено, — отвечал молодой ротмистр и тут же скрылся в темноте.

А Волков, проклиная своего родственника Рене, пошел в лагерь. «Ну что за офицер, ни на минуту нельзя оставить!»

К этому времени их пристанище уже начинало походить на лагерь: горели костры, на них были подвешены котлы, распространявшие вокруг запах пищи, кое-кто уже поставил палатки, все вокруг оказалось заставлено телегами и возами, лошади выпряжены. В одном месте собралось много факелов и фонарей. Волков сразу направился туда.

Тут к нему подбежал новый ротмистр Мальмериг.

— Господин полковник, там возницы запрягают лошадей, провизию с телег скидывают... Слушать ничего не хотят.

— Где они?

Мальмериг отвел его немного в сторону, к северному участку частокола, там несколько человек и вправду впрягали своих лошадей, еще некоторые скидывали со своих телег мешки с провизией и палатки.

— Куда собрались? — заорал Волков.

Мужички обернулись, посмотрели на него, на Мальмерига, на Максимилиана. Смотрели и молчали, дело свое приостановили.

— Я спросил, куда собрались? Кто старший, кто говорить будет? Возницы переглянулись, наконец отозвался старший из них:

— Господин... Это... Телеги-то наши.

— И лошади наши, мы нанятые, — крикнул из-за его спины еще один.

— И что?

— Ну так это... Завтра, солдаты говорят, сюда хамы придут... — объяснил старший.

— Лошадок наших заберут, телеги заберут, — добавил второй.

— Еще и нас резать надумают, с них станется, — вмешался в разговор третий.

— В общем, мы решили в Бад-Тельц податься, там вас ждать будем.

Волков даже и секунды не думал.

— Распрягайте лошадей. Никто никуда не едет. На дороге мои разъезды, если кого из вас приволокут, так буду считать дезертирами. Дезертиров я вешаю.

Больше он этим людям ничего не собирался говорить, для них и этого было достаточно, повернулся и пошел туда, где горело больше всего фонарей и факелов. А там собралось не менее пяти десятков человек, все галдят, друг друга пытаются перекричать. Рене что-то говорит, но его не слушают, солдаты его обступили. И что хуже всего, там не только солдаты первой роты.

Волков бесцеремонно растолкал всех, пробираясь к Рене, схватил того за руку, оттащил чуть в сторону.

— Господи, Мария, Матерь Божия, как хорошо, что вы появились! — Рене, болван, еще и крестится у всех солдат на виду.

Кавалер не удостоил родственника ответом, повернулся к солдатам.

— Кто старший?

— Ну я, — отвечает один из солдат.

— А имя и звание у тебя есть?

— Корпорал Левенгринской воинской корпорации Рудольф.

— И какого дьявола ты и твои люди не работают, корпорал Рудольф? Или вы, может быть, господа благородные, может, за вас другие должны частокोल вокруг лагеря ставить?

— Без толку все это! — кричит один из солдат, он совсем недалеко, он орет почти из-за спины своего корпорала. — Завтра придут две тысячи мужиков, сметут нас, как вторую роту!

Эти крикуны хуже всего, больше всех страха на других нагоняют. Самим страшно так, что на визг срываются, так еще и других своим криком пугают.

Волков сделал шаг и без предупреждения, почти без замаха ударил крикуна в челюсть, ударил сильно, не снимая латной перчатки. Тот, уронив свой годедаг на землю, пошатнулся, пытаясь устоять, покачиваясь, словно сильно пьяный, но не устоял, уселся на землю. Волков же краем глаза следил за остальными солдатами, может, кто осмелится вступить за крикуна. Но никто не вступился, все понимали, что полковник прав. Спрашивал он корпорала, отвечать должен был корпорал, а из строя никто орать не должен, когда командиры разговаривают.

А кавалер как ни в чем не бывало снова спрашивает у корпорала:

— Так почему ты и твои люди не работают?

— Потому как без толку это, — повторяет тот слова крикуна, повторяет с вызовом. Смотрит Волкову в глаза и продолжает: — Завтра хамы будут тут. А мы уставшие, день на марше, вечером в бою, ночью работали. И не жрали.

— Еда уже готовится, — говорит Волков. Тут за его спиной происходит движение, он оборачивается, а там Вилли прибежал, расталкивает зевак, с ним десятки стрелков, фитили уже зажжены, готовы

палить. Теперь кавалеру полегче стало, он продолжает: — Если часто-коп поставим, если окопаем его хорошо, то с нашими мушкетами мужичью нас нипочем не взять.

— Не успеем мы до утра! — Корпорал тоже заметил стрелков, тон сразу менее наглый стал, но все равно этот мерзавец дерзок в речах. — Будь нас хоть полторы тысячи, так, может, и не взяли бы... А вы нас в засаду завели. Вон сколько людей за один вечер полегло. Телеги с ранеными возим всю ночь, лекари не успевают лечить.

«Ах ты, сволочь! Решил виноватого найти и сбежать отсюда!»

— Да, мы попали в засаду, да, нам было тяжело, но мы не можем отступить, не уйдем мы от них с обозом, а обоз бросать нельзя, иначе это будет конец всей кампании. — Волков все еще пытался объяснить этим солдатам по-хорошему, но им плевать на обоз.

— Мы из-за вашего обоза тут погибать не хотим, тем более что мужичье пленных не берет, а раненых добивает. Мы не хотим к полудню тут дохлыми валяться.

— Дезертировать думаете?

— Нет-нет, — сразу отвечает корпорал, — мы законы воинские знаем, мы пойдем к другому командиру и контракт выполним. Мы будем просить маршала, чтобы записал нас в другую часть. Уходим мы от вас, полковник Фолькоф, так как командир вы нерадивый и неумелый.

Так и говорил он это все дерзко, даже как будто с ухмылочкой. Очень немногие из тех, кто знал Волкова не первый день, видя в его руках секиру, осмелились бы так с ним разговаривать.

Корпорал Левенгринской воинской корпорации Рудольф едва успел договорить, как на стык его горжета и шлема обрушился тяжеленный топор. Рудольф пошатнулся, железо выдержало, корпорал, опираясь на алебарду, выстоял, но только для того, чтобы получить второй удар. Второй удар оказался страшен, теперь Волков бил, держа тяжелое оружие обеими сильными руками, занося топор за спину, с размаху. Удар раскроил Рудольфу и шлем, и голову. Он рухнул на землю замертво.

— Ах ты! — закричали сослуживцы корпорала.

— К оружию, ребята!

— Он убил его!

Люди из корпорации Левенгрин сразу ошетинились железом, думая мстить за своего командира.

А тут и Вилли тоже крикнул:

— Стрелки! Целься!

Но весь этот шум, все крики перебил знакомый Волкову скрипучий, надтреснутый властный голос:

— Это что тут такое? Бунт?

И хоть часто кавалера раздражал человек, чей голос сейчас слышали все, теперь же Волков был рад его появлению.

— Что здесь происходит? Бунтуете, негодяи? Господин полковник, только прикажите, и я угощу этих бунтовщиков хорошей порцией картечи.

— Никто здесь не бунтует, господин капитан Пруфф, — громко отвечал Волков. — Солдаты сейчас выберут себе нового корпорала и пойдут работать в свою часть. Так как они знают, что вокруг лагеря я выставил пикеты и разъезды и что дезертиров я буду вешать.

Как он это сказал, так после повисла тишина. И солдаты из корпорации города Левенгрин, и зеваки молчали.

— Ну, что стоите? Картечь ждете? — крикнул Волков, стряхивая со своего страшного оружия капли крови. — Выбирайте себе корпорала и идите в свою часть.

Многие солдаты уже смирились с его властью, с его победой, да и всем зевакам уже все было ясно.

Вот лишь теперь дело было закончено.

ГЛАВА 2

— **Н**у наконец-то, — сказал Волков и протянул руку капитану Пруффу. Тот пожал руку и сразу спросил:

— Раненые, которые мне встречались по дороге и которых я опросил, говорили, что мужики нас ждали. Ждали и крепко побили?

— Да, устроили нам засаду. Бертье погиб, Гренер тоже, погиб ротмистр Хилли.

— Это молодой такой? Из стрелков?

— Да. Роха и Брюнхвальд ранены, второй роты нет, она была в голове колонны. Арбалетчики сбежали. В общем, мы угодили в засаду.

— Засаду? Но ведь вы выставляли разъезды!

— То и удивительно, никто из кавалеристов ничего не видел, пока на нас не обрушились батальоны хамов. Впрочем, это уже прошлое, пойдемте, я покажу вам, что вам надобно сделать. — Волков обернулся, увидал все еще растерянного Рене, что был тут же, и едко произнес: — Капитан, прошу вас продолжить работы, займите уже своих людей, дайте им лопаты, чтобы мысли дурные к ним в головы не лезли.

Рене пытался ему что-то ответить, но Волков его сейчас даже слушать не хотел, он жестом велел удалиться. Капитан поклонился и ушел. После кавалер заговорил с ротмистром Вилли:

— Ротмистр, отберите среди своих стрелков десять самых надежных человек с самым надежным сержантом...

— Сейчас все сделаю, а зачем они вам?